

ВОССТАНОВЛЕН ЛИ ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?

© 2015 г. Татьяна Кимовна Рябинина¹

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы создания в российском уголовном судопроизводстве эффективного механизма устранения выявленных судом недостатков и нарушений закона, допущенных органами предварительного расследования.

Annotation: the article examines the creation of a Russian criminal trial of an effective mechanism to eliminate the identified deficiencies and violations of the court of law committed by bodies of preliminary investigation.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, институт дополнительного расследования, постановление Конституционного Суда РФ.

Key words: the return of the criminal case to the prosecutor, the institute further investigation, the Constitutional Court ruling of the Russian Federation.

Последние изменения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, связанные с введением Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. нового основания возвращения уголовного дела прокурору (ч. 1.2 ст. 237 УПК), а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные им в Постановлении от 2 июля 2013 г.², вновь побудили юридическую общественность обратить самое пристальное внимание на институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Общеизвестно, насколько отношение процессуалистов к этому институту на протяжении всего времени его существования неоднозначно. Причем острые дискуссии, связанные с ним, уже были предопределены одним из основных предметов споров в советской уголовно-процессуальной науке – аналогичным институтом уголовно-процессуального права того времени – возвращением уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования.

Поэтому неудивительно, что дискуссии последнего десятилетия обычно проходят в двух направлениях: *первое* – о соотношении этих двух институтов, их идентичности и различиях,

второе – о дальнейшей судьбе современного института: или о необходимости его развития и совершенствования как нового института и новой формы судопроизводства, или о восстановлении, реанимировании прежнего института, или вообще об отказе от возможности возвращения уголовного дела прокурору.

Совершенно очевидно, что институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, хотя и имел противников, считавших, что суд, возвращая уголовное дело прокурору и предоставляя тем самым дополнительные возможности стороне обвинения для отстаивания своей позиции, сам становился на ее позицию, но все же большинством теоретиков и практиков оценивался положительно, поскольку рассматривался ими как проявление контрольной функции суда, позволявшей эффективно реагировать суду на нарушения и недостатки, допущенные органами предварительного расследования. Таким образом, этот уголовно-процессуальный институт, не допуская предания обвиняемого суду и назначения судебного разбирательства по некачественно расследованным уголовным делам, на их взгляд, являлся одной из важных гарантий осуществления правосудия и обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Лишь с началом осуществления судебной реформы остро встал вопрос о целесообразности его сохранения, так как либеральные процессуалисты стали видеть в нем подрыв принципа состязательности, который был поставлен во главу угла всего реформирования российского уголовного судопроизводства. Поэтому было предложено лишить суд права по собственной инициати-

¹ Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru).

² См.: постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» от 2 июля 2013 г. № 16-П // СПС «КонсультантПлюс» (По сост. на 20 января 2014 г.).

ве восполнять доказательства, представленные органами предварительного расследования. По замыслу авторов Концепции судебной реформы, судья, получив уголовное дело, должен изучать его только с точки зрения правильности составления обвинительного акта и наличия в деле необходимых материалов, не вдаваясь в содержание документов. Обнаружив формальные нарушения, судья отказывается принять дело к производству и возвращает его прокурору³.

Законодатель воспринял эти идеи и ввел в УПК РФ вместо прежнего института возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования институт возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Имея много общего с прежним институтом, *новый институт*, тем не менее, отличается в первую очередь тем, что он создан для исправления ряда недостатков, возникающих на заключительном этапе предварительного расследования в связи с составлением обвинительного заключения или обвинительного акта, устранение которых не должно влечь за собой проведения следственных действий, а дело, возвращаемое прокурору, не могло корректироваться с точки зрения пересмотра уже собранного фактического материала, т.е. дело возвращается с целью исправления единичных процессуально-технических недостатков, а не с целью комплексного дополнительного расследования⁴. Подобная позиция процессуалистов о том, что институт возвращения дел прокурору имеет своей целью лишь устранение явных препятствий для разрешения дела по существу⁵, в связи с чем он объективно не может служить “законным” средством продолжения или дополнения обвинительной деятельности, дополнительным инструментом исправления ошибок обвинительной власти⁶, отражает общее современное понимание сути этого института. Более того, как отмечают некоторые авторы, по замыслу законодателя, отсутствие возможности исправить допущенную ошибку должно было стимулировать обвинительную власть на более тщательное расследование обстоятельств пре-

ступления до принятия решения о направлении уголовного дела в суд⁷.

Тем самым законодатель не отверг идеи о необходимости существования механизма устранения нарушений, допущенных в ходе досудебного производства, а видоизменил его в сторону лишения судебной деятельности обвинительных начал, к чему и призывали авторы Концепции, исключив из нового УПК такие основания возвращения уголовного дела прокурору, как неполнота дознания или предварительного следствия; существенное нарушение уголовно-процессуального закона при производстве предварительного расследования; наличие оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; наличие оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела.

Безусловно, новый подход к сути института возвращения уголовного дела прокурору предполагал, что суд в современных условиях, обретя, наконец, реальную власть, независимость и самостоятельность, опираясь на действительно демократические принципы: презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон, свободы оценки доказательств, в случаях недоказанности обвинительной версии, противоречивости или недостаточности доказательств, представленных стороной обвинения, станет выносить оправдательные приговоры, вместо того чтобы возвращать уголовные дела прокурору с тем, чтобы он обеспечил исправление допущенных ошибок или нарушений при производстве предварительного расследования, или восполнение доказательств, или изменение объема обвинения или квалификации деяния, или вообще преградил обратный путь дела в суд во избежание вынесения оправдательного приговора, что чаще всего и делалось в виде прекращения уголовного дела.

На деле же, на наш взгляд, ни судьи, ни прокуроры, ни следователи оказались не готовы к таким кардинальным изменениям. Конечно, это обусловлено целым рядом причин, исследование которых необходимо заниматься отдельно. Среди них следовало бы назвать и неспособность судей проявить свою власть, поскольку, хотя их

³ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992 // Там же.

⁴ См.: Уголовный процесс России. Учеб. пос. / Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 281, 282.

⁵ См.: Ковтун Н.Н. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: все еще требует оптимизации процессуальной формы // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 41.

⁶ См.: Корнуков В., Сотсков С. Допускает ли ст. 237 УПК РФ возможность дополнительного расследования по уголовному делу? // Уголовное право. 2003. № 1. С. 71.

⁷ См.: Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики. Учеб. для магистров / Под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М., 2012. С. 170.

деятельность в соответствии с новым уголовно-процессуальным законом и была лишена обвинительных начал, в действительности оказалось сложно разорвать нить, десятилетиями связывавшую суды с органами обвинительной власти; и непоследовательное реформирование досудебного производства, так и оставшегося по сути репрессивным, обвинительным, что наложило свой отпечаток на весь уголовный процесс России, который по типу хотя и относят к смешанному, не предполагающему возвращения уголовного дела прокурору для дополнительного расследования⁸, тем не менее, сохранившему этот рудимент дореформенного судопроизводства, пусть и не в своем первоначальном виде; и недосказанность и половинчатость в определении роли суда в процессе доказывания, что повлекло раскол в среде процессуалистов по вопросу установления истины по уголовному делу и активности суда в сборе доказательств, и пр. Отсюда – частые законодательные изменения в УПК РФ, меняющиеся правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, шарахающаяся из одной крайности в другую судебная практика, что свидетельствует об отсутствии четкой государственной политики в вопросах развития российского уголовного судопроизводства, и это притом, что на официальном уровне еще в 1991 г. была принята Концепция судебной реформы, наметившая основные направления реформирования российского правосудия.

Так, правоприменители испытывали и продолжают испытывать трудности в своей практической деятельности в связи с противоречивостью и нелогичностью в правовом регулировании нового института. Прежде всего это касается возможности инициирования судом вопроса о возвращении уголовного дела прокурору, пределов постановки этого вопроса, а также полномочий самого прокурора по устранению препятствий рассмотрения уголовного дела судом и процессуальных средств, обеспечивающих эту деятельность, в том числе сроков и объема процессуальных действий, которые вправе осуществлять следователь и дознаватель после поступления уголовного дела из суда. Наибольшую сложность вызывало принятие судьей решения о возвращении уголовного дела прокурору по основанию, если обвинительное

заклучение или обвинительный акт (с 4 марта 2013 г. – и обвинительное постановление) составлены с нарушением требований УПК, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК).

Особенность этого основания возвращения дела прокурору состоит в том, что суд, обнаружив при изучении поступившего уголовного дела нарушения требований уголовно-процессуального закона, должен оценить их с точки зрения того, не помешают ли они разрешению дела по существу при его непосредственном рассмотрении в судебном разбирательстве, может ли суд сам их устранить, а также решить вопрос, какими должны быть нарушения закона, чтобы суд вправе был возвратить дело прокурору. Поиск оптимального пути разрешения этой проблемы привел к тому, что высшие судебные инстанции России все чаще стали обращаться к этому институту, давая важные разъяснения правовых норм, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору, и прежде всего такие разъяснения касались характера нарушений требований УПК, влекущих возвращение уголовного дела прокурору.

Так, вслед за постановлениями Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г.⁹ и 4 марта 2003 г.¹⁰ своевременными и необходимым для правоприменителей стало постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г., содержащее целый комплекс правовых позиций, обусловивших дальнейшее почти десятилетнее применение норм, регулирующих институт возвращения уголовного дела прокурору, среди которых следует выделить следующие: “Существенное процессуальное нарушение является препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законов прав участников уголовного судопроизводства, исключает возможность постановления законно-

⁸ См. о типе российского уголовного процесса: *Мельников В.Ю.* Суд в условиях состязательности уголовного процесса // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской. Сб. науч. тр. М., 2011. С. 122.

⁹ См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород” от 20 апреля 1999 г. № 7-П // СПС “КонсультантПлюс” (По сост. на 20 января 2014 г.).

¹⁰ См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан” от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Там же.

го и обоснованного приговора и фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия; такие процессуальные нарушения не касаются ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнения ранее предъявленного обвинения; направляя в этих случаях уголовное дело прокурору, суд не подменяет сторону обвинения, – он лишь указывает на выявленные нарушения, ущемляющие права участников уголовного судопроизводства, требуя их восстановления”. При этом возвращение дела прокурору не должно быть “связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия”. И далее: “если на досудебных стадиях производства по уголовному делу имели место нарушения норм уголовно-процессуального закона, то ни обвинительное заключение, ни обвинительный акт не могут считаться составленными в соответствии с требованиями данного Кодекса”, поэтому в этих случаях дело подлежит возвращению прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК.

Подытоживая свои выводы, Конституционный Суд указывает, что “суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу, и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств, а значит, он должен быть наделен уголовно-процессуальным законом соответствующими полномочиями”, среди которых называется и право суда на возвращение дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В свою очередь, Пленум Верховного Суда РФ дает свое толкование основания возвращения дела прокурору, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК, – это “такие нарушения изложенных в статьях 220, 225 УПК РФ положений, которые служат препятствием для принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта”¹¹. Тем самым и Конституционный Суд РФ, и Пленум Верховного Суда РФ данными разъяснениями как бы пресекают целесообразность обсуждения идеи о восстановлении

в УПК такого основания возвращения уголовного дела прокурору, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Судебная практика свидетельствует о том, что судами основание, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК, фактически применяется во всех случаях обнаружения нарушений, допущенных органами уголовного преследования, препятствующих рассмотрению судами уголовных дел. Единственным исключением из этого ставшего уже общепризнанным правила являются случаи, с которыми суды сталкиваются в своей деятельности. Это – когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо в ходе судебного разбирательства устанавливаются фактические обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, или для привлечения к уголовной ответственности новых лиц.

Положение ст. 252 УПК РФ, предусматривающее проведение судебного разбирательства лишь по тому обвинению, которое было предъявлено обвиняемому, и неоднократные разъяснения Конституционного Суда и Верховного Суда о том, что суды при возвращении уголовного дела прокурору не должны выходить за рамки предъявленного обвинения, не позволяли суду возвратить данное уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по основаниям, допускающим или предполагающим в дальнейшем возможность ухудшения положения обвиняемого.

Поэтому весьма важной (хотя и неожиданной) для судов и органов уголовного преследования стала правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в его постановлении от 2 июля 2013 г., о том, что ввиду отсутствия в законе процедуры исправления нарушений, допущенных органами предварительного расследования в вышеописанных случаях, “сужается функция судебного контроля за действиями органов уголовного преследования, что препятствует реализации принципов равенства, справедливости, верховенства права, а также принципа законности, как они установлены Конституцией Российской Федерации, уголовным и уголовно-процессуальным законами, и не отвечает требованиям справедливого правосудия, самостоятельности и независимости судебной власти”. В результате создаются препятствия для вынесения судом правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения.

¹¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству” от 22 декабря 2009 г. № 28 // Там же.

Тем самым Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона.

Примечательно, что в некоторых практических рекомендациях (разъяснениях), разработанных на основе обобщения следственной и судебной практики первых лет действия УПК РФ, отмечалось, что поскольку в законе не указано, что после устранения нарушений прокурор обязан вернуть уголовное дело в суд, то это означает, что могут быть приняты и другие решения по делу, связанные с тем, что к тому времени основания для привлечения к судебной ответственности могут отпасть или, наоборот, могут быть установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления¹². Причем последнее утверждение больше всего вызвало споры среди процессуалистов, согласных с главной правовой позицией, высказанной Конституционным Судом РФ, о том, что указанные в ч. 1 ст. 237 УПК РФ существенные нарушения требований данного Кодекса, влекущие возвращение уголовного дела прокурору, не могут касаться ни его фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации содеянного, ни доказанности вины обвиняемого и что возвращение дела прокурору не должно быть связано с восполнением неполноты предварительного следствия или дознания. Как видим, теперь сам же Конституционный Суд РФ свою позицию крутым образом меняет.

Несомненно, такие выводы Конституционного Суда РФ побуждают переосмыслить суть института возвращения уголовного дела прокурору, что, в свою очередь, должно самым серьезным образом повлиять и на дальнейшую судебную, прокурорскую и следственную практику, связанную с возвращением уголовного дела прокурору.

Во-первых, одним из главных положений, содержащихся в настоящем постановлении, безусловно, является признание Конституционным

Судом процедуры возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению в качестве важного процессуального механизма обеспечения реализации судом своего предназначения – отправления правосудия, не тождественного возвращению дела для производства дополнительного расследования. При этом неважно, возвращает суд уголовное дело прокурору по собственной инициативе или по ходатайству стороны, поскольку в таком случае препятствие для рассмотрения уголовного дела самим судом устранено быть не может. Инициирование судом процедуры устранения препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела не противоречит принципам правосудия и не свидетельствует о том, что суд тем самым осуществляет уголовное преследование обвиняемого или участвует в нем, т.е. берет на себя функцию обвинения.

Во-вторых, Конституционный Суд однозначно высказался за то, что установление судом неправильной квалификации совершенного обвиняемым деяния и необходимость предъявления более тяжкого обвинения самостоятельным основанием возвращения уголовного дела прокурору не является, а вновь подпадает под основание, закрепленное п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК.

В-третьих, исходя из вышеприведенных положений, назрела необходимость смоделировать, наконец, не только механизм устранения прокурором допущенных в досудебном производстве нарушений, регламентирование которого и ранее отсутствовало в уголовно-процессуальном законе, но и пересмотреть полномочия прокурора по изменению обвинения в сторону, ухудшающую положение обвиняемого. В настоящее время это стало тем более актуальным, поскольку если уж суд теперь вправе инициировать данный вопрос, то оставлять прокурора только лишь в роли посредника между судом и следственными органами без наделения его какими-либо полномочиями, влияющими на объем обвинения и квалификацию действий обвиняемого, нелогично и неоправданно.

Конечно, говорить о том, что постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г., несмотря на “революционность” или, напротив, “реакционность”, как пишет И.С. Дикарев¹³, его новых правовых позиций, восстановило институт дополнительного расследования, в чем убеждены

¹² См.: Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. Комментарий. М., 2004. С. 366, 367; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Практ. пос. / Под ред. В.П. Верина. М., 2006. С. 199.

¹³ См.: Дикарев И.С. Уголовный процесс: “тихая революция” сменилась реакцией // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5 “Юриспруденция”. 2013. № 3. С. 98.

некоторые процессуалисты¹⁴, было бы неверно, поскольку не всегда деятельность органов уголовного преследования, направленная на изменение обвинения в неблагоприятную для обвиняемого сторону, связана с производством таких процессуальных действий, которые дополняли и восполняли бы пробелы предыдущего предварительного расследования. На наш взгляд, деятельность по изменению обвинения характеризуется в большей степени формально-техническими процедурами, обусловленными ошибками в квалификации преступления, в установлении размера ущерба, причиненного преступлением, в определении роли обвиняемого в совершении преступления, а также в соответствии с последними изменениями, внесенными в ст. 237 УПК, наступлением новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления; или отменой судебных решений в порядке, предусмотренном гл. 49 настоящего Кодекса, основанием для отмены которых послужили новые или вновь открывшиеся обстоятельства, являющиеся в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления. Вряд ли для устранения таких недостатков потребуется производство дополнительного расследования в том, традиционном его понимании.

Следует отметить, что в юридической литературе давно уже совершенно справедливо отстаивается позиция, что не всегда предъявление более тяжкого обвинения по возвращенному судом уголовному делу связано с восполнением неполно проведенного расследования. Это, например, касается ситуаций, когда следователем при формулировании обвинения ошибочно не указаны обстоятельства, имеющие существенное значение для дела и влияющие на объем обвинения, либо неправильно применен уголовный закон, хотя в ходе предварительного расследования были собраны достаточные доказательства, дающие основание для обвинения лица в совершении более тяжкого преступления. Возможны также ситуации, когда

органами предварительного расследования выносятся постановления о признании потерпевшим или законным представителем и проводятся допросы этих лиц, в связи с чем появляются новые доказательства, влекущие увеличение объема предъявленного обвинения и изменение правовой оценки содеянного; или наступает смерть потерпевшего от причиненных телесных повреждений после направления дела в суд; или свидетели изменяют ранее данные показания и т.п.¹⁵ Тем самым, действительно, постановление Конституционного Суда от 2 июля 2013 г. не надуманно, а обусловлено реалиями судебной практики.

Более того, хотелось бы заметить, что правовое регулирование возвращения уголовного дела прокурору в современном виде имеет более гибкий характер, по сравнению с УПК РСФСР. Это проявляется в том, что законодатель, устанавливая различные основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий рассмотрения его судом, подразумевает, что, во-первых, суд в постановлении о возвращении уголовного дела прокурору не связывает последнего своими указаниями о том, какими средствами прокурор должен устранить выявленные недостатки и нарушения; во-вторых, прокурор, получая уголовное дело от суда в полное свое распоряжение, вправе реализовать все свои полномочия, предоставленные ему законом, используя совершенно разные процедуры и определяя в каждом конкретном случае индивидуальные сроки и объем процессуальных действий следователя (конечно, в большей степени – дознавателя) по их устранению.

Но парадокс заключается в том, что именно эти полномочия законом и не предусмотрены. Как бы вскользь в ч. 3 ст. 237 УПК установлено, что при необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий. В новой ч. 6.1 ст. 162 УПК также введено правило о том, что в случае возвращения прокурором уголовного дела следователю в связи с выявлением судом обстоятельств, указанных в ч. 1 и 1.2 ст. 237, срок производства следственных и иных процессуальных действий не может превышать одного месяца со дня поступления уголовного дела к следователю. Вместе с тем правоприменительная практика давно приспособилась к недостаточности многих законоположений, выработав

¹⁴ См.: *Кругликов А.П.* Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // *Росс. юстиция.* 2013. № 10. С. 37–41; *Хитрова О.В.* Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования? // *Росс. следователь.* 2013. № 21. С. 13–16; *Александров А.С., Лапатников М.В.* Вперед в прошлое (Состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) // *ЭЖ-Юрист.* 2013. № 30. С. 1, 5; *Их же.* Суд на осуд, а не на рассуд // *Уголовное судопроизводство.* 2013. № 4. С. 6–12; *Дикарев И.С.* Указ. соч. С. 98–103.

¹⁵ См.: *Рябинина Т.К.* Пределы судебного разбирательства уголовных дел // *Росс. судья.* 2003. № 8. С. 14–18; *Маркина Е.А., Баева Т.Н.* Возвращение судом уголовного дела прокурору: возможно ли расширить объем обвинения, изменить его на более тяжкое? // *Уголовное судопроизводство.* 2006. № 1. С. 35–38.

определенный алгоритм действий прокурора и следователя (дознателя) в случаях возвращения судом уголовного дела по аналогии с регламентированием действий и решений прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением (ст. 221 УПК), обвинительным актом (ст. 226 УПК) или обвинительным постановлением (ст. 226⁸ УПК).

Так, в зависимости от характера выявленных нарушений прокурор может принять следующие решения:

1) о возвращении уголовного дела следователю (дознателю) для:

а) изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого; б) пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления); в) составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера в случае, предусмотренном п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК; г) производства отдельных процессуальных действий;

2) об исключении из обвинительного акта или обвинительного постановления отдельных пунктов обвинения либо о переквалификации обвинения на менее тяжкое;

3) об обжаловании судебного решения о возвращении ему уголовного дела.

Как видим, уголовно-процессуальный закон никоим образом не упоминает о возможности прокурора при получении уголовного дела от суда направить его следователю или дознавателю для производства дополнительного расследования. Кстати, и Конституционный Суд РФ в своем «нашумевшем» постановлении от 2 июля 2013 г. также не ведет речи о производстве дополнительного расследования в случаях, когда в суде встает вопрос о необходимости предъявления более тяжкого обвинения. На наш взгляд, очевидная неправильная квалификация деяний обвиняемого, равно как и наступление новых общественно опасных последствий, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, требует производства не дополнительного расследования, а отдельных процессуальных действий: предъявления обвинения, допроса обвиняемого и других лиц, не связанных со сбором дополнительных доказательств.

Однако следует учитывать, как уже отмечалось выше, что закон не устанавливает сам механизм устранения прокурором препятствий рассмотре-

ния уголовного дела судом, т.е. не ясно, обязательно ли прокурор должен направить возвращенное судом уголовное дело следователю (дознателю) в вышеописанных случаях, вправе ли он сам решить вопрос об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых при возвращении уголовного дела судом. В Законе неоднозначно регулируются подобные ситуации и при получении уголовного дела от следователя или дознавателя.

Так, при поступлении уголовного дела от следователя прокурор вправе в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 221 УПК вернуть дело следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительного расследования, но по каким основаниям – в законе не установлено; для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, но в какую сторону – худшую или лучшую для обвиняемого сторону – закон не конкретизирует.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК прокурор также вправе вернуть дознавателю уголовное дело для производства дополнительного дознания, но вправе ли он при этом ставить вопрос об изменении обвинения в сторону, ухудшающую положение обвиняемого, вновь не ясно. Зато он наделен полномочием исключить из обвинения отдельные пункты либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое – при производстве дознания как в общем порядке, так и в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226 и ч. 2 ст. 226⁸ УПК), но если проводилось предварительное следствие, то прокурор уже не вправе самостоятельно решать такой вопрос. При производстве дознания в сокращенной форме предусматривается возвращение дела для производства дознания в общем порядке (п. 3 ч. 1 ст. 226⁸ УПК).

Следует также обратить внимание на то, что и в судебных стадиях прокурор не вправе самостоятельно менять обвинение в сторону его отягчения или расширения, хотя вопрос о возможности предоставления прокурору таких полномочий в юридической литературе регулярно обсуждался¹⁶. Деятельность прокурора по осуществлению уголовного преследования в суде сводится к доказыванию, обоснованию обвинения, предъяв-

¹⁶ См.: Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов – иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 4; Барabanов П.К. Изменение обвинения на стадии судебного разбирательства с ухудшением положения обвиняемого // Уголовный процесс. 2009. № 3. С. 15; Козьявин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М., 2010. С. 43–46.

ленного на предварительном следствии. Что же получается? Ни суд, связанный правилом о пределах судебного разбирательства, ни прокурор в соответствии с УПК РФ в судебном заседании не вправе изменить обвинение в сторону, ухудшающую положение обвиняемого (подсудимого).

Обсуждая настоящую проблему, следует обратиться к историческому опыту, которым вполне можно воспользоваться и сегодня. Российская судебная реформа XIX в. за образец взяла не англосаксонскую систему уголовного процесса, ограничивающую производство дела пределами, намеченными обвинением, а французскую, в соответствии с которой с момента поступления дела в суд последний становился его хозяином и мог исследовать его во всех направлениях, не стесняясь указанными обвинителем пределами ни в отношении лиц, ни в отношении вменяемых им деяний, что в свою очередь вытекало из задачи суда открыть материальную истину. При этом суду принадлежит право на изменение обвинения, допускаемое в весьма широких размерах, вплоть до формирования окончательного обвинения, а частью даже и после того¹⁷.

В «Основных положениях уголовного судопроизводства», являющихся как бы краткой объяснительной запиской к Уставу уголовного судопроизводства, указывалось: «Цель уголовного судопроизводства есть обнаружение так называемой материальной истины относительно происшествия или деяния, признаваемого преступным, и наказание действительно виновного в совершении преступления или проступка»¹⁸.

Поскольку обнаружение материальной истины в процессуальной науке традиционно связывалось с защитой публичных интересов, а не частных, в первую очередь права на защиту от непредвиденных изменений обвинения, именно эта концепция и отпугнула современных реформаторов, которые отдали приоритет защите личного, а не публичного интереса и поэтому, видимо, не воспользовались предложенной еще Уставом уголовного судопроизводства процедурой по изменению обвинения¹⁹.

¹⁷ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 46, 47.

¹⁸ Цит. по: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 750.

¹⁹ Следует, вместе с тем, согласиться с А.С. Александровым и М.В. Лапатниковым в том, что правовые позиции, изложенные в постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г., свидетельствуют об обратном – Конституционный Суд РФ «актуализировал публично-правовые смыслы в ущерб частному началу, в котором выражаются права личности» (см.: Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на рассуд. С. 6–12).

Так, при усилении обвинения судебным следствием и заключительными прениями суд мог принять одно из двух решений: 1) дело обратиться вновь к предварительному следствию и к составлению нового обвинительного акта, в случае если установлены обстоятельства, изменяющие не только квалификацию, но и фактический состав деяния, указывая на виновность подсудимого в ином деянии (ст. 753 Устава уголовного судопроизводства); 2) дело слушать по прежнему обвинительному акту с правом сторон просить об отсрочке для приготовления к состязанию по вновь открывшимся обстоятельствам при изменении одной лишь юридической квалификации обвинения. При этом председатель предупреждал подсудимого о последствиях изменения обвинения с отметкой в протоколе заседания. Если он требовал дать ему время подготовиться к защите, то в этих целях по определению суда могло быть приостановлено производство по делу (ст. 612 УУС). Если подсудимый не требовал этого, то суд мог продолжить рассмотрение дела, не откладывая заседания.

Как писал И.Я. Фойницкий, «обвинительный акт для окончательного производства представляется лишь канвой, на которой может быть нарисован разный рисунок»²⁰. Поэтому для суда кроме обвинительного акта имело значение и судебное состязание, т.е. судебное следствие и прения сторон, и особенно если ими изменялись выводы обвинительного акта и возводилось на привлеченного к ответственности подсудимого иное обвинение, обвинительным актом не предусмотренное. М.А. Чельцов-Бебутов отмечал, что суд должен был решать вопрос о виновности подсудимого, не будучи связан ни сознанием последнего, ни отказом обвинителя от поддержания обвинения, исключительно по внутреннему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела²¹.

Некоторые авторы в настоящее время придерживаются такой же позиции. Например, О.В. Хитрова вполне справедливо пишет: «Будучи независимым и беспристрастным, суд не может быть пассивным. Он не может быть связан позицией той или иной стороны, не имея возможности принять самостоятельное решение. Разрешая уголовно-правовой конфликт сторон, суд вправе и обязан в приговоре или ином судебном решении не только сделать вывод о доказанности обвинения, но и правильно применить уголовный закон, т.е. правильно квалифицировать инкриминируемое обви-

²⁰ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 432.

²¹ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 792.

няемому деяние в соответствии с фактическими обстоятельствами, установленными в судебном разбирательстве”, помня при этом, что одним из оснований отмены приговора, не вступившего в законную силу, является неправильное применение уголовного закона (п. 3 ст. 389¹⁵ УПК РФ)²².

Однако в целом отношение современных процессуалистов к возможности изменения обвинения в худшую для обвиняемого сторону непосредственно в судебном заседании скорее отрицательное, чем положительное. В результате ни суд не обладает полной властью по осуществлению правосудия, ни прокурор как основной представитель стороны обвинения повлиять на объем обвинения не в силах. Поэтому и приходится на выручку и судьям, и органам уголовного преследования некий новый институт по устранению выявленных судом нарушений, допущенных органами предварительного расследования (сам Конституционный Суд в постановлении от 2 июля 2013 г. назвал его особым порядком движения уголовного дела), отличающийся как от института возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, так и от института возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в том виде, как он представлялся авторам Концепции судебной реформы в РФ и законодателю при принятии первоначального варианта УПК РФ.

Подводя итог своим размышлениям по поводу института возвращения уголовного дела прокурору, хотелось бы изложить свое видение перспективы его существования.

1. С учетом характера российского уголовного судопроизводства, отличающегося длительным и объемным досудебным производством, подготавливающим доказательственную базу для суда, но, вместе с тем, не всегда обеспечивающим высокое качество проведенного предварительного расследования, механизм устранения препятствий рассмотрения уголовного дела судом имеет право на существование, и законодатель совместно с высшими судебными инстанциями, как, впрочем, и с учеными, и с правоприменителями, уже на протяжении более чем 10 лет ищет его оптимальный вариант, но в том виде, в котором он действует в настоящее время, он хотя и приемлем, но все же вызывает справедливые нарекания в силу того, что вынуждает суд вновь становиться на сторону обвинения, от чего его так долго уводили.

²² Хитрова О.В. Указ. соч. С. 15.

2. Процессуальная форма института возвращения уголовного дела прокурору, как он был разработан разработчиками УПК РФ, в которую он сейчас облачен, не соответствует его содержанию. На наш взгляд, исправление ошибок и нарушений, допущенных на предварительном расследовании, выявленных судом до принятия решения о назначении судебного разбирательства, должно происходить в *три этапа*, как это в принципе и предусмотрено законом. *Первый этап* – при ознакомлении руководителя следственного органа с материалами уголовного дела, поступившего от следователя на согласование вопроса о дальнейшем его направлении прокурору (ч. 6 ст. 220 УПК РФ), который в силу п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ вправе вернуть уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования. *Второй этап* – аналогичные действия и решение прокурора при ознакомлении с материалами оконченного уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Именно руководитель следственного органа и прокурор как лица, во-первых, отвечающие за законность и качество проведенного расследования, а во-вторых, представляющие обвинительную власть, должны обеспечить исправление всех недостатков, допущенных следователем или дознавателем.

Следует полностью согласиться с А.П. Кругликовым, который по данному вопросу отмечает: “Если следователь, руководитель следственного органа и прокурор будут уверены в том, что в случае некачественного расследования уголовного дела оно будет им возвращено судом для исправления допущенных недостатков, то добиться качественного расследования уголовных дел станет невозможным”, поэтому “необходимо повысить эффективность контроля и надзора за законностью и обоснованностью действий и решений следователя со стороны руководителя следственного органа и прокурора – как в процессе осуществляемого следователем предварительного следствия, так и при изучении ими дела, по которому следствие окончено”²³.

Вместе с тем совершенно очевидно, что для реализации этой задачи в законе необходимо предусмотреть целый комплекс норм, регулирующих процедуру возвращения уголовного дела руководителем следственного органа и прокурором: основания, сроки, пределы обязательных указаний следователю (дознавателю) и пр., на что выше уже обращалось внимание.

И, соответственно, *третий этап* – возвращение судом уголовного дела прокурору в случае

²³ Кругликов А.П. Указ. соч. С. 38, 39.

обнаружения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ). При этом надо четко понимать, что если на предыдущих этапах по фильтрованию уголовных дел в суд руководитель следственного органа и прокурор в полной мере выполняют возложенные на них обязанности по контролю и надзору за следствием и дознанием и не допустят в суд некачественно расследованных уголовных дел, необходимость возвращения судом уголовного дела совсем отпадет, за исключением ситуаций, не зависящих от должностных лиц, осуществляющих деятельность по уголовному преследованию.

Но даже если суд усмотрит какие-либо изъяны в материалах поступившего уголовного дела, он не должен во всех случаях обнаружения недостатков даже нарушений закона возвращать уголовное дело прокурору, поскольку у суда также достаточно средств для их устранения, прежде всего на предварительном слушании – и путем разъяснения самим судом прав участникам процесса, в том числе обвиняемому, и путем вручения прокурором копии обвинительного заключения (акта, постановления), корректировки прокурором предъявленного обвинения, уточнения данных о личности как обвиняемого, так и потерпевшего, исправления опечаток, технических ошибок и проч.²⁴

Как верно замечает А.П. Кругликов, “возвращение судом уголовного дела прокурору, а это значит одновременно руководителю следственного органа и следователю, должно иметь место в редчайших случаях и не для дополнительного расследования, а для устранения определенных процессуальных нарушений – в срок, не превышающий 5 суток, и без производства каких-либо следственных действий, направленных на собирание доказательств”²⁵, т.е. уважаемый профессор отстаивает идею о том, что институт возвращения судом уголовного дела прокурору для дополнительного расследования следует исключить, хотя, по нашему мнению, он в УПК РФ и не закреплен, несмотря на многочисленные попытки некоторых процессуалистов доказать обратное. Другое дело, что правоприменители, заинтересованные в его существовании, на протяжении долгих лет прилагают усилия к тому, чтобы приспособить практику под несовершенные нормы закона, используя в этих целях и не-

последовательные разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Таким образом, для того чтобы не нарушить баланса возможностей стороны обвинения и стороны защиты, должно остаться незыблемым правило о том, что суд не должен подменять сторону обвинения, даже если он усмотрит основания для изменения объема обвинения или квалификации действий обвиняемого в худшую для него сторону. И, конечно же, устранение нарушений, для чего и направляется уголовное дело прокурору, не предполагает производства процессуальных действий по дополнению ранее предъявленного обвинения и восполнению неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. Задача прокурора, руководителя следственного органа и следователя (дознателя) в данном случае должна сводиться к тому, чтобы или устранить допущенные ими же нарушения, или на основе уже установленных фактических обстоятельств дела конкретизировать формулировку и объем предъявленного обвинения, дать правильную правовую квалификацию действиям обвиняемого и в случае необходимости перепредъявить обвинение обвиняемому и провести другие связанные с этим процессуальные действия.

3. И все-таки, на наш взгляд, следует вернуться к вопросу о необходимости наделения прокурора полномочиями не только по исключению из обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления отдельных пунктов обвинения либо переквалификации обвинения на менее тяжкое, но и по изменению обвинения либо квалификации действий обвиняемого в сторону, ухудшающую его положение, при условии, что для этого не надо проводить каких-либо следственных и иных процессуальных действий, связанных с восполнением или дополнением предварительного расследования. Гарантиями обеспечения прав заинтересованных лиц должны стать правила о том, что происходить это должно в судебном заседании (на предварительном слушании или в стадии судебного разбирательства до удаления суда в совещательную комнату) и с предоставлением обвиняемому дополнительного времени для подготовки к защите от нового обвинения, в том числе с обеспечением обязательного участия защитника в этом случае, для чего следует в УПК внести соответствующие дополнения и изменения.

4. Понимая, вместе с тем, что такое предложение небесспорно и законодатель (как и правоприменители) не готов пока пойти по такому пути,

²⁴ См. об этом подробнее: *Рябинина Т.К.* Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // *Гос. и право.* 2013. № 2. С. 59–61.

²⁵ *Кругликов А.П.* Указ. соч. С. 39.

можно в рамках существующего института возвращения уголовного дела прокурору в качестве варианта также предложить следующий порядок принятия прокурором решения по поступившему к нему уголовному делу из суда и производства процессуальных действий по устранению препятствий его рассмотрения судом: необходимо дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ по аналогии со ст. 221, 226 и 226⁸ УПК ст. 237¹ “Решение прокурора по уголовному делу, возвратившемуся из суда в соответствии со статьей 237 настоящего Кодекса” следующего содержания:

“1. Прокурор рассматривает поступившее из суда уголовное дело и в течение 10 суток с момента его поступления принимает по нему одно из следующих решений:

1) о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, предусмотренным статьями 24, 25, 27, 28 и 28¹ настоящего Кодекса (по уголовным делам, предварительное расследование по которым производилось в форме дознания);

2) о направлении уголовного дела следователю (дознавателю) со своими письменными указаниями, а) для производства отдельных следственных и иных процессуальных действий в целях устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона и недостатков, выявленных судом, б) для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, в) для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления;

3) о направлении уголовного дела следователю (дознавателю) для производства предварительного расследования в порядке, установленном разделом VIII настоящего Кодекса, в случае, предусмотренном пунктом 3 части 1 статьи 237 настоящего Кодекса;

4) о принесении апелляционного представления на постановление судьи о возвращении уголовного дела.

2. В случаях, предусмотренных частью первой настоящей статьи, производство следственных и иных процессуальных действий осуществляется в порядке, установленном разделом VIII настоящего Кодекса.

3. Производство отдельных следственных и иных процессуальных действий следователем (дознавателем), в том числе связанных с изменением объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, либо пересоставлением

обвинительного заключения, осуществляется в 10-суточный срок (производство следственных действий дознавателем, связанных с пересоставлением обвинительного акта или обвинительного постановления, осуществляется в 3-суточный срок), а производство предварительного расследования в случае, предусмотренном пунктом 3 части 1 статьи 237 настоящего Кодекса, а также в случае возвращения прокурором уголовного дела следователю в связи с выявлением судом обстоятельств, указанных в части 1² статьи 237 настоящего Кодекса, – в 30-суточный срок и в 20-суточный срок, если дело направляется дознавателю.

4. В случае необходимости продления установленного срока он может быть продлен в порядке, установленном частями 4, 5 и 7 статьи 162, частями 3-5 статьи 223 настоящего Кодекса, но не более чем на один месяц, если производится предварительное следствие, и не более чем на 10 суток, если производится дознание”.

Следует вернуть в ст. 237 УПК часть 2 со следующей формулировкой: “По поступившему уголовному делу прокурор принимает одно из решений, предусмотренных частью 1 статьи 237¹ настоящего Кодекса”.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на основание возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК. Из формулировки этого пункта совершенно не ясно, что подразумевает законодатель, ставя перед прокурором задачу устранения препятствий для разрешения дела судом в судебном разбирательстве при отсутствии оснований для применения принудительных мер медицинского характера. Не приводит ли данное основание к мысли о том, что в этом случае необходимо производство дополнительного расследования? Однако, на наш взгляд, в подобных ситуациях предпочтительнее будет производство предварительного, а не дополнительного расследования ввиду того, что первоначально предварительное расследование по уголовному делу хотя и проводилось, но с определенными изъятиями и особенностями, предусмотренными гл. 51 УПК. Поэтому при возвращении уголовного дела прокурору по вышеуказанному основанию расследование фактически будет сводиться не к дополнению или восполнению отдельных материалов уголовного дела, а к установлению обстоятельств совершения преступления лицом, о котором ранее ставился вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, с соблюдением всех процедур и гарантий, предусмотренных уголов-

но-процессуальным законом. В данном случае фактически речь идет о новом, а не о дополнительном, производстве по уголовному делу с появлением нового лица – обвиняемого²⁶.

Такой дифференцированный подход к процедуре устранения препятствий, возникающих перед судом, по нашему мнению, отвечает назначению современного института возвращения уголовного дела прокурору, вписывающегося в состязательное построение уголовного судопроизводства, поскольку позволяет создать необходимые условия для рассмотрения и справедливого разрешения уголовного дела, не возлагая при этом на суд обвинительной функции и обеспечивая охрану прав, свобод и законных интересов участников процесса. И самое главное – такое правовое регулирование не предполагает проведения дополнительного расследования, т.е. производства процессуальных действий, связанных с пересмотром ранее установленных фактических обстоятельств и направленных на восполнение неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, дополнения ранее предъявленного обвинения.

Таким образом, как бы ни пытались противники расширения полномочий суда по реагированию на существенные нарушения закона, допущенные в досудебном производстве, которые не могут быть устранены в судебном производстве, а также на случаи неправильной квалификации описанного в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении деяния, что влечет необходимость предъявления более тяжкого обвинения, а также на случаи, если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления, утверждать, что Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2014 г. перечеркивает все демократические завоевания

²⁶ См. об этом: *Рябинина Т.К.* Некоторые проблемы правового регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера // *Законность*. 2008. № 8. С. 48–51.

в сфере уголовной юстиции, фактически восстановив институт дополнительного расследования, оснований для таких пессимистичных выводов нет. Вместе с тем, учитывая, что органы уголовного преследования при получении уголовного дела от суда часто пытаются найти обходные пути для достижения своих интересов, в законе, может, и нужно вводить запрет в подобных ситуациях на производство следственных действий, восполняющих неполноту и пробелы проведенного предварительного расследования.

В литературе предлагался еще один вариант создания эффективного правового механизма исправления недостатков предварительного следствия, заимствованный у Германии и Франции. Суть его состоит в том, что “уголовное дело не возвращается судом органам, осуществляющим досудебное производство, а приостанавливается производством с одновременной дачей поручения этим органам произвести необходимые следственные и иные действия (не исключая оперативно-розыскных мероприятий) для устранения имевших место пробелов и нарушений закона, если они не могут быть устранены в ходе судебного разбирательства”²⁷. Думается, что такое предложение также заслуживает внимания и обсуждения.

Итак, в настоящей статье автором высказано личное мнение по проблеме, ждущей своего разрешения многие годы и получившей после принятия Конституционным Судом РФ постановления от 2 июля 2013 г. дополнительный резонанс, что только оживило дискуссию вокруг института возвращения уголовного дела прокурору. Вместе с тем законодатель во исполнение предписаний Конституционного Суда должен внести соответствующие изменения в правовое регулирование данного института, что кардинальным образом повлияет и на правоприменительную практику. Остается подождать.

²⁷ *Токарева М.Е.* Проблема устранения допущенных следователями нарушений закона по направленным в суд уголовным делам требует законодательного разрешения // *Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ)*. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 469.